
Духовный смысл войны и метаморфозы коллективной ответственности в социально-философской концепции И.А. Ильина*

© 2021 г. Д.А. Аникин

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1; Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 410012, ул. Астраханская, д. 83.*

E-mail: dandee@list.ru

Поступила 21.09.2020

В статье раскрывается проблема коллективной ответственности в работах русского философа И.А. Ильина, показывается динамика развития его представлений от ранних работ до статей эмигрантского периода. Ответственность рассматривается И.А. Ильиным в качестве ключевого понятия, обеспечивающего взаимосвязь прошлого и будущего, что особенно остро проявляется в ситуации войны. Первая мировая война должна была стать источником духовного подъема для русского народа, но последовавшая революция привела к возникновению новой социально-исторической ситуации. На смену традиционному патриотизму, по мнению И.А. Ильина, приходит его новая форма, при которой ответственность за сохранение российского общества заставляет избрать нейтралитет в вооруженном противостоянии между коммунистической Россией и нацистской Германией. Ключевым элементом подобного выбора становится моральная оправданность, которая заставляет отказаться от идеи свержения режима ценой жизни народа, но, одновременно, не позволяет выступить на стороне данного режима. И.А. Ильин отмечает ключевые ошибки нацистской идеологии, не позволяющие сделать выбор в ее пользу: безрелигиозность, правый тоталитаризм, партийная монополия, национализм, огосударствление экономики, идолопоклоннический цезаризм. В результате наиболее оптимальной формой политического устройства русский мыслитель считает авторитарные режимы, опирающиеся на традиционные социальные институты и сохраняющие примат моральности над рациональностью. В статье обосновывается, что идеи И.А. Ильина демонстрируют сложность и неоднозначность понимания патриотизма в условиях трансформации коллективных субъектов ответственности, когда возникает рассогласование между образами исторической памяти и реальной конфигурацией политического и социального пространства.

Ключевые слова: ответственность, патриотизм, война, духовный смысл, коллективная память, поступок.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-137-143

Цитирование: Аникин Д.А. Духовный смысл войны и метаморфозы коллективной ответственности в социально-философской концепции И.А. Ильина // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 137–143.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075–15–2020–798).

The Spiritual Meaning of War and the Metamorphosis of Collective Responsibility in the Socio-philosophical Concept of I.A. Ilyin*

© 2021 Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation;
Chernyshevsky Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov 410012, Russian Federation.

E-mail: dandee@list.ru

Received 21.09.2020

The article reveals the problem of collective responsibility in the works of the Russian philosopher I.A. Ilyin, shows the dynamics of the development of his ideas from early work to articles of the emigrant period. Responsibility is considered by I.A. Ilyin as a key concept that ensures the interconnection of the past and the future, which is especially acute in a situation of war. The First World War was supposed to be a source of spiritual uplift for the Russian people, but the ensuing revolution led to the emergence of a new socio-historical situation. According to I.A. Ilyin, traditional patriotism is replaced by its new form, in which responsibility for preserving Russian society forces neutrality in the armed confrontation between communist Russia and Nazi Germany. A key element of such a choice is moral justification, which forces us to abandon the idea of overthrowing the regime at the cost of the life of the people, but, at the same time, does not allow us to side with this regime. I.A. Ilyin notes the key mistakes of Nazi ideology that do not allow us to make a choice in its favor: sectarianism, right-wing totalitarianism, party monopoly, nationalism, nationalization of the economy, idolatrous Caesarism. As a result, the Russian thinker considers authoritarian regimes based on traditional social institutions and preserving the primacy of morality over rationality to be the most optimal form of political structure. The article justifies that the ideas of I.A. Ilyin demonstrate the complexity and ambiguity of understanding patriotism in the context of the transformation of collective subjects of responsibility, when there is an inconsistency between the images of historical memory and the real configuration of the political and social space.

Keywords: responsibility, patriotism, war, spiritual meaning, collective memory, deed.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-137-143

Citation: *Anikin, Daniil A.* (2021) "The Spiritual Meaning of War and the Metamorphosis of Collective Responsibility in the Socio-philosophical Concept of I.A. Ilyin", *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2021), pp. 137–143.

Для русских мыслителей первой половины XX в. одной из ключевых тем для осмысления стала проблема ответственности. Для кого-то – как вопрос уяснения онтологического смысла данного понятия, для многих же представителей русской религиозной мысли – в латентном виде, как имплицитно присутствующий компонент социально-

---

* The study was supported by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project "The latest trends in the development of human and social sciences in the context of the digitalization process and new social problems and threats: an interdisciplinary approach", agreement No. 075–15–2020–798).

этической концепции. Причину такого внимания к проблеме ответственности стоит видеть в трагических исторических перипетиях русской культуры и русского государства на протяжении нескольких десятилетий, поставивших вопрос не только о политическом значении происходящих изменений, но и об их метафизическом смысле, на прямую сопряженном с деятельностью народа или отдельных его представителей.

Сначала реформы Александра II, расколовшие русское общество на убежденных противников, не менее убежденных сторонников и критиков, стремившихся предельно радикализировать происходящие преобразования, затем события 1905–1907 гг., заставившие многих «легальных» марксистов задуматься о превратностях методов осуществления перехода к коммунизму, наконец, революция 1917 г., сначала подарившая многим интеллектуалам надежду на возможность переустройства русского государства, но затем жестоко с этой надеждой и расправившаяся. Все эти события не могли не повлиять как на политические воззрения русских мыслителей, так и на постановку ими мировоззренческих, метафизических вопросов. Вопрос «Почему с нами это случилось?» трансформировался в саморефлективную формулировку «Есть ли наша вина в случившемся?», наиболее отчетливо прозвучавшую в сменовеховстве, а практическим вариантом этого же вопрошания стал: «Как нам поступать в изменившихся условиях?»

Можно вспомнить, что М.М. Бахтин в своей работе под условным названием «К философии поступка» обращается, казалось бы, к предельно абстрактной тематике того, какое действие можно назвать поступком. Но это размышление приводит его к утверждению неразрывной связи между поступком и ответственностью: «Ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст, где этот учет возможен, где и теоретическая значимость, и историческая фактичность, и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения, причем все эти разнозначные при отвлеченной точке зрения моменты не обедняются и берутся во всей полноте и всей своей правде; есть, следовательно, у поступка единый план и единый принцип, их объемлющий в его ответственности» [Бахтин 1986, 101]. В размышлениях Бахтина онтологический план тесно соприкасается с планом повседневного существования, поскольку упоминаемая им «историческая фактичность» диктует определенные требования к деятельности субъекта, которые он вынужден учитывать при принятии собственного решения.

Именно поэтому для русских мыслителей Серебряного века, сумевших пережить разлом привычного социального устройства, вопрос о коллективной ответственности, в качестве условия и конечной причины обиденного поведения, становится принципиально важным, вне зависимости от того, где протекала их жизнь – в советской России или в эмиграции. Но, определяя общую сосредоточенность философских идей на проблеме ответственности, следует обратить внимание на многообразие тех аспектов данной проблемы, к которым обращаются русские мыслители, фокусируя свое внимание то на этических детерминантах ответственности, то на ее онтологической укорененности. Подробный анализ этих концепций не входит в задачу данной статьи, поэтому хотелось бы обратиться к социально-философскому аспекту ответственности, представленному в работах И.А. Ильина. Особую важность его анализу коллективной ответственности придает тот факт, что, впервые обратившись к данной проблеме в работе 1915 г. «Духовный смысл войны», он впоследствии был вынужден переосмысливать взаимосвязь ответственности и патриотизма в принципиально иных исторических условиях Второй мировой войны, когда социально-политические перипетии обозначили сложную этическую задачу – отношение к «врагу моего врага».

Следует отметить, что на взгляды И.А. Ильина большое влияние оказала диалектика Гегеля, в силу чего особую неприязнь Ильин питал именно к марксизму, взявшему отдельные постулаты гегелевской диалектики, но не сумевшему схватить онтологический характер осуществления Мирового духа. Тем не менее определенные черты сходства, обусловленные общими философскими истоками, можно отметить как в концепции

И.А. Ильина, так и в работах последователей Маркса, в частности особое внимание к противоречиям как источнику и механизму развития. Но если для марксистов суть любых противоречий в конечном итоге сводится к классовому конфликту, то гегелевское влияние на Ильина проявилось в его стремлении увидеть даже за историческим конфликтом его внеисторические рамки, оценить возможность того, чтобы конфликт выступил источником самораскрытия отдельного субъекта или целого сообщества.

Эти идеи отчетливо проявились в уже упомянутой работе «Духовный смысл войны». Год ее написания – 1915 – не случаен, потому что именно в этот момент происходит конфликт, который должен восприниматься как «призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность, или моральный долг, но живую духовную потребность» [Ильин 1915, 2].

Любопытно, что уже в 1914 г. И.А. Ильин публикует статью «Основное нравственное противоречие войны», в которой раскрывает этический аспект конфликта и делает крайне важное замечание о том, что «всякая война без исключения есть нравственно виновное делание» [Ильин 1914, 817]. Если юридическим оправданием совершения убийства во время военных действий может служить оборонительный характер войны или исполнение приказа, то с моральной точки зрения подобные оправдания оказываются неубедительны. Убийство всегда остается убийством, что порождает вопрос о том, чем же может оправдываться добровольное принятие на себя вины, то есть, по сути, ответственность за нравственные страдания, которые надлежит испытывать каждому верующему человеку. Понятно, что в этом случае И.А. Ильин еще ведет речь об индивидуальной ответственности, но в своих последующих произведениях он осуществляет переход от этики к онтологии, от ответственности индивидуальной к ответственности коллективной.

Первая мировая война, по мнению И.А. Ильина, становится фактором, способным раскрыть глубинную сущность русского народа, «вырвать» его из повседневности, заставляющей обращать внимание лишь на временные контуры человеческого существования, чтобы обратиться к глубинным основаниям коллективной идентичности. По словам самого мыслителя, «война учит нас жить, любя нечто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чем себя, и доброю волею становиться на его защиту» [Ильин 1915, 16]. В этом обстоятельстве – принципиальное отличие войны с Германией от предшествующих вооруженных конфликтов или политических столкновений, которыми была так богата история России на рубеже XIX–XX вв. Если русско-японская война не угрожала самобытности русской культуры, не посягала на самосознание русского народа, то Первая мировая война становится вызовом для существования русской цивилизации, с этим связано особое значение, которое придает философ именно этой войне, рассматривая ее в контексте гегелевской мысли. В отличие от индивидуально-антропологических трактовок гегельянства, расцвет которых, связанный с творчеством А. Кожева, наступит немного позже, концепция Ильина заключается в религиозно-онтологическом восприятии наследия немецкого мыслителя. Такой аспект позволяет соединить идею Мирового духа с понятием «всеединство», раскрываемым в русской религиозно-философской традиции, выводя на проблему коллективного субъекта, в качестве которого и выступает народ. В этом смысле война выступает тем глубинным противоречием, которое не только вносит трагизм в индивидуальное мировосприятие, но и знаменует собой возможность отбрасывания устаревших идеологем ради замены их новыми, или, точнее говоря, возвращения старых идей на качественно новом уровне. Как отмечает Е. Холмогоров, характеризуя уникальность политического мышления философа, «Ильин опирается почти исключительно на уваровско-победоносцевскую политическую традицию. Для него Россия не особый мир принципиально враждебный с Западом, а органичная часть европейской мировой системы, одна из форм почивающего на Европе “Абсолютного духа”, – может быть более чистая и одухотворенная форма, чем Запад, но не имеющая ему сущностной, природной противоположности» [Холмогоров 2015]. Но подобный подход заставляет И.А. Ильина обратиться к формированию собственного категориального

ряда, который позволит объяснить онтологический характер войны и ее значение для русского народа.

Прежде всего, необходимо отличать метафизическое значение войны от политического оправдания войны. Оправдание, которое И.А. Ильин причисляет к «публичной идеологии», содержит отсылку исключительно к прошлому, оно позволяет лишь объяснить внешние предпосылки возникновения конфликта, но ничего не способно сказать относительно его мировоззренческого значения. По словам самого мыслителя, «публичная идеология есть нередко не что иное, как идейный дурман, потребный воюющему для поддержания в себе воинственного самочувствия. Напротив, истинные духовные мотивы войны не могут быть выдуманы искусственно; они нередко лишь смутно чувствуются народом; они нередко живут наряду с публичной идеологией, утверждая свою независимость и свою жизненную силу, т.е. свою способность направлять деятельность людей» [Ильин 1915, 12]. В отличие от оправдания, значение войны раскрывается лишь в ее последствиях, причем, естественно, речь не идет о материальном соотношении жертв и территориальных приобретений. Итогом войны оказывается пробуждение народного духа, которого так жаждет в 1915 г. мыслитель и которое, по его мысли, сможет стать основанием для избавления от индивидуалистических устремлений и эгоистической психологии современного российского общества.

При этом И.А. Ильин проявляет себя не только как философ, но и как тонкий психолог, обращая внимание на то, что любая угроза вызывает естественный приступ страха, вызванный инстинктом самосохранения [Там же, 14]. Однако подобный приступ является лишь духовным испытанием, призванным проверить стойкость личности перед ударами судьбы и ее способность прийти к единственному выводу, приемлемому для верующего (и мыслящего) человека: «Ибо смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил. Что бы ты доселе ни делал; чем бы ты ни занимался; чему бы ни служил, – словом, чем бы ты ни жил – умей умереть за то, чем ты жил. Этим война ставит перед человеком начало ответственности: каждый отвечает за то, чем он жил и как он жил» [Там же, 15]. Но сама формулировка ответственности, предложенная русским мыслителем, ставит вопрос о темпоральности человеческого существования, о переплетении в нем не только синхронических, но и диахронических аспектов. Ответственность за предшествующее существование, точнее говоря, неготовность разменять прошлое (не только отдельного индивида, но и русской цивилизации в целом) в миг смертельной угрозы ставит вопрос о том будущем, которое только и может оправдать подобное пренебрежение природными инстинктами.

В концепции И.А. Ильина детерминация прошлым тесно сопрягается с ответственностью перед будущим, поскольку совершаемые в настоящее время поступки должны быть вписаны в незримую «связь времен». В этом смысле и сам поступок приобретает онтологический характер, избавляясь от сиюминутности мотивов и устремлений. Горизонт действия определяется, по Ильину, масштабом осуществления Мирового духа, но протекает при этом в конкретно-исторических условиях, что создает социально-философский ракурс рассмотрения проблемы ответственности. Выбор между индивидуализмом и коллективизмом, к правильному разрешению которого и должна подтолкнуть мировая война, становится моментом актуализации народного духа, поэтому для И.А. Ильина так важно наименование этой войны как народной. По его собственным словам, «кадры армии суть не что иное, как живые куски народного состава, и эта связь оказывается тесною и прочною до последней степени, когда вспыхивает народная война. Народная война есть совокупное духовное напряжение всей нации, направленное к победе над тою силою, которая стала на пути духовного роста народа» [Там же, 40–41]. Праведная война может быть только оборонительной, но именно она должна стать победной – как в политическом, так и в мировоззренческом смысле.

Но, как ни парадоксально, именно особое метафизическое значение, придаваемое Первой мировой войне вкуче с катастрофическими последствиями этой войны для государства и для народа, заставляет И.А. Ильина вновь и вновь в статьях эмигрантского

периода обращаться к осмыслению и переосмыслению проблемы коллективной ответственности. Несостоявшийся духовный подъем народа нуждается в объяснении, но, опять-таки, речь не идет исключительно об оправдании краха политического режима, поскольку мыслитель намечает себе более важные задачи в контексте грядущего неминуемого возрождения России. Гораздо важнее оказывается социально-философский анализ прежде всего изменившегося субъекта коллективной ответственности, в качестве которого выступает уже не весь русский народ, а лишь определенная его часть, территориально и идеологически отделенная от своих соотечественников, а также поставленная в принципиально иные социально-исторические условия.

Сама по себе ситуация существования эмигрантского сообщества, разрозненного с точки зрения своих идеологических представлений и отношения к оставленной Родине, приобретает дополнительную двусмысленность по мере нарастания угрозы Второй мировой войны. Ранние размышления И.А. Ильина о духовном смысле войны исходили из анализа линейной ситуации, при которой существует четко фиксируемая бинарность сторон конфликта. С одной стороны – русский народ, испытывающий патриотический подъем, с другой стороны – враг, борьба с которым если и несет отпечаток моральных терзаний, но зато представляется вполне оправданной с точки зрения метафизического значения.

Но европейские события 30-х гг. XX в. представили эту ситуацию как гораздо более неоднозначную – и с точки зрения морали, и с точки зрения сохранения коллективной идентичности. Первым – и наиболее соблазнительным – вариантом отношения к усилению немецкого национал-социализма, сознательно противопоставляющего себя коммунистическому строю, являлось безусловное признание максимы «враг моего врага – мой друг». Но такой выход, несмотря на изначально доброжелательное отношение к происходящим в Германии изменениям, Ильин однозначно отвергает: «Есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения прямого интереса моей родины и экономии ее сил. В таких случаях показуется нейтралитет. Массовая сдача в плен русских солдат в 1941 г. и была такой инстинктивно найденной попыткой занять нейтральную позицию» [Ильин 2008, 13]. Таким образом, единственной морально оправданной позицией становится стремление не занимать чью-либо сторону в противоборстве, где каждая из сторон не только дискредитировала себя конкретными политическими действиями, но и лишилась морального оправдания. Для Ильина гораздо ближе оказывается путь авторитарных режимов в Португалии или Испании, где сохраняется опора на традиционные социальные институты, а борьба с врагом сохраняет моральную оправданность – как для собственного народа, так и для международного сообщества.

По сути, И.А. Ильин ставит крайне важный вопрос о том, какая именно коллективная ответственность должна служить оправданием нашим действиям. Должен ли эмигрант ощущать и признавать ответственность по отношению к тому политическому субъекту, который заменил собой то сообщество, частью которого он когда-то был? А с другой стороны – не означает ли отказ от признания подобной преемственности окончательной виртуализации ответственности в качестве морального и юридического понятия? Для самого философа ответ кроется в том факте, что истинное сообщество, перед которым стоит испытывать ответственность, кроется в горизонтах будущего или прошлого, поэтому прощение и месть должны оцениваться с точки зрения трансцендентного субъекта морали, а не подчиняться сиюминутным политическим перспективам.

Обращаясь к более широкой перспективе, нетрудно отметить, что коллективная ответственность во второй половине XX в. не только превращается в одну из ведущих моральных проблем, но и становится предметом углубленного социально-философского анализа. Наиболее известной постановкой этой проблемы в западной философской мысли является коммуникативная трактовка ответственности в работах Х. Арндт, для которой есть два необходимых условия коллективной ответственности: «Я должен

считаться ответственным за что-то, чего я не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе, которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны» [Арендт 2013, 207].

Как отмечает П. Брюкнер, «если мы не в силах изменить прошлое, мы можем облегчить то бремя, которым оно тяготеет на памяти живущих» [Брюкнер 2009, 54]. Метаморфозы философского поиска И.А. Ильина, нацеленного на переосмысление роли коллективной ответственности и попытку обоснования патриотизма в ситуации «утраты Родины», демонстрируют стремление ответить на те вопросы, которые особенно остро встают перед социальной философией уже в XXI в. Постоянное изменение границ сообществ в качестве субъектов коллективной вины и коллективной ответственности делает сами эти понятия заложниками сиюминутного политического дискурса. Призывы к ответственности стали общим местом в современных идеологических баталиях, но «вечное покаяние» еще не означает формирования моральных оснований для возникновения нового сообщества. В этом смысле философия И.А. Ильина демонстрирует пример глубокой рефлексии над острыми противоречиями между моральными и социальными аспектами ответственности.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Арендт 2013 – *Арендт Х.* Ответственность и суждение / Пер. с англ. Аронсона Д., С. Бардиной, Р.М. Гуляева: Изд-во Гайдара, 2013 (Arendt, Hannah, *Responsibility and Judgment*, Russian Translation).

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 101–144 (Bakhtin, Mikhail M. *To the Philosophy of Deed*, in Russian).

Брюкнер 2009 – *Брюкнер П.* Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме / Пер. с франц. С. Дубина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009 (Bruckner, Pascal, *La Tyrannie de la pénitence: Essai sur le masochisme Occidental*, Russian Translation).

Ильин 1914 – *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (V). С. 797–826 (Ilyin, Ivan A., *The Main Moral Contradiction of War*, in Russian).

Ильин 1915 – *Ильин И.А.* Духовный смысл войны. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915 (Ilyin, Ivan A., *Spiritual Meaning of War*, in Russian).

Ильин 2008 – *Ильин И.А.* Враг моего врага // *Ильин И.А.* Наши задачи. Т. 1. М.: Айрис-Пресс, 2008 (Ilyin, Ivan A., *The Enemy of My Enemy*, in Russian).

Ссылка – Reference in Russian

Холмогоров 2015 – *Холмогоров Е.* Правый гегельянец в окопах Сталинграда // Самопознание. 2015. № 1. С. 14–28.

Reference

Holmogorov, Egor S. (2015) “Right Hegelian in the Trenches of Stalingrad”, *Samopoznanie*, Vol. 1, pp. 14–28 (in Russian).

Сведения об авторе

АНИКИН Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Author’s Imformation

ANIKIN Daniil A. – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at the Chernyshevsky Saratov State University.